

Александр Бергельсон

18+

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРЕВНА ЛЯГУШКА

Истории о юных годах Ильи Муромца

Александр Бергельсон

Илья Муромец и Царевна Лягушка

«Издательские решения»

Бергельсон А.

Илья Муромец и Царевна Лягушка / А. Бергельсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531928-9

Стреляя из лука, Илья Муромец теряет стрелу, идёт её искать, и попадает на Болото к Царевне Лягушке. Тут вдруг выясняется: ищет Илья и не стрелу вовсе, а свою Дорогу В Жизни, и что Илья — не умеет бояться, а лишённый страха человек автоматически лишается... умения любить. Научится ли Илья Страху? Обретёт ли возможность Любви? Читайте об этом в книге «Илья Муромец и Царевна Лягушка»!

ISBN 978-5-00-531928-9

© Бергельсон А.
© Издательские решения

Содержание

-----	6
2. На тропе. Встреча первая	9
3. На тропе. Встреча вторая	12
4. На тропе. Встреча третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Илья Муромец и Царевна Лягушка

Александр Бергельсон

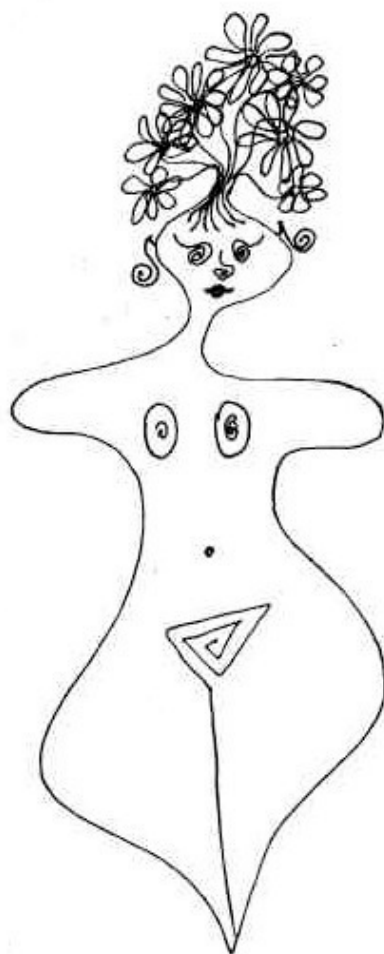
© Александр Бергельсон, 2021

ISBN 978-5-0053-1928-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Бергельсон

Илья Муромец и Царевна Лягушка

*Бойться – не делай, делаешь – не бойся,
а сделал – не сожалей.*

Чингисхан

1. Стрела Судьбы

Тот, кто поступает правильно в пятидесяти одном случае из ста, в конце концов, становится героем.

Альфред Причард Слоун: «My Years with General Motors»

В молодые годы, скажу я вам, Илья из лука стрелял отвратительно. С пяти шагов в забор попасть не мог. Вот такая нелепица, ежели учесть, что в плане остальных боевых навыков равных ему не было вообще.

Вот и решил Ильюха тренироваться. С утра самого выйдет на задний двор, и давай стрелы пулять во всё подряд. В любые, наугад выбранные, или под руку подвернувшиеся, цели.

И вот как-то раз одна стрела у него совсем ни туда, ни сюда пошла: сама по себе, своевольница, по дуге высокой за окоём видимого Мира.

И, что обидно, не просто какая попало стрела, а стрела самая любимая, самая надёжная и проверенная, которая чаще всех прочих стрел обеспечивала чёткую точность попадания.

Осерчал тут Илья, слова сказал, сами понимаете, какие, да и пошёл стрелу заветную искать.

Миновав три улицы, Илья вышел на Боярскую.

Название такое прилипло к улице ещё во времена, когда только-только на земле Муромской зарождалось будущее село Карачарово.

Здесь тогда одним из первых осел некто Буслай: человек кручёный, верчёный, жизнью учёный, серьёзно умевший *поставить себя пред остальными*, за что и был прозван в народе: «Боярин».

Время прошло, а вот память о том месте, где Боярин обитал, осталась.

Дело в том, что Буслай первым стал народ в особые дозоры собирать, чтобы днём и ночью дозоры эти за порядком следили.

Так с той поры и пошло: все знают, – в селе Карачарове порядка во все времена было, и есть и будет больше, чем в остальном Мире.

Справно жили Боярские люди.

Крепко.

Вот, взять, к примеру, этот, пред очи Ильюхины сам собой попавший, дом.

Прямо терем царский, а не просто – какое-то там сельское жилище.

Изба в два этаже, ставни узорчаты, сад – деревья высоки, забор – прям не забор, а стена крепостная.

Такими впору города огораживать от вражых набегов, и, вона, в столбе воротном, справа, *стрела торчит...*

Стрела?

Илья резко остановился.

Нашлась, родимая!

И вправду: стрела торчала, и ветерок лёгкий всё пытался поиграть с перьями.

– Блин. – Тихонько сказал Илья сам себе. – Ну, недотёпа косорукий!

И решительно пошёл к воротам: извиняться перед хозяевами.

У ворот на скамье сидела древнющая старушка.

Судя по виду, она должна была помнить те времена, когда тут заместо села – только Лес стоял до небес, и волки вели кривотолки у крайней ёлки.

– К вам я, бабулечка. – Поклонился Илья. – За стрелу извиниться. Учусь стреляти, ну и...

– За стрелу? – Голос у бабулечки оказался совсем молодым. – Ты чего это, голубь сизый, никак, издеваисси?! Кто заслал? Матрёна, дура ядрёна, с Приокского околотку, которой никакие на свете стрелы сроду не прилетали, никакие прынцы за всю жизнь ни разочку не наведались, один только Ефрем-возчик клюнул на Матрёнины стати сомнительные, красоты не убедительные... хотя, чего-й то я? Матрёна-то померла уже годов так сорок! Значит, Ефросинья, *лична* моя врагиня! До сих пор её злоба гложет, до сих пор она простить мне не может, что я лучше её завсегда была, и красимши слыла! И стрела к ней лететь не захотела, ко мне прилетела, в воротину втыкалась, да так и осталась...

– Не. – Илья поклонился ещё ниже. – Никто меня, бабулечка. не заслал. Сам я. Рука дрогнула, промазал малёхо, в чём и винюсь.

– Вот, значит, как. – Бабулечка тяжело вздохнула. – Эх, молодой человек! Стрела сия быть твоёю не может по одной простой причине: она тут торчит не с сёдня, а со времён моей, теперь уже, ох какой далёкой, юности.

Бабулечка вздохнула ещё тяжелее.

– Дура я была, внучек. Наслушалась, понимаешь, рассказней о счастье девичьем, и загадала в ночь на Ивана Купала встретить жениха несказанного, суженого своего, на свете наилучшего. И выпало мне в гадании – стрелы ждуть, кою суженый этот, из лука стреляя, выпустит в надеже на то, что сама стрела калёная найдёт ему невесту лучшую. И что ты думаешь? Прилетела стрела-то! Как счас помню: ранним весенним утром, когда солнышко припекало, и травка зеленела, и любовь дышала во всём с полной силой... вон, видишь: до сих пор так и торчит во столбе воротном!

Смахнув слезу, бабулечка вдруг весело Илье подмигнула.

– Так, слышь, может быть, ты и есть – женишок ожидаемый?

Илья испуганно дёрнул плечами.

– Да не боись, малец! – Ещё больше развеселилась бабулечка. – Я, слава Богам, дура-то дура, но и замуж сходила, и семнадцать детей родила-воспитала. Стрела – стрелой, а жизнь жизнью. Пускай торчит!

Илья, прямо скажем, вздохнул с облегчением.

Тем более что и сам уже разглядел: стрела не его, и не та вовсе, любимая, которую берёт пуще глазу и искать пошёл.

– Я стрелу эту, – бабулечка мотнула головою в сторону столба воротного со стрелою торчащей, – берегу и не вынимаю с единственною целью, сугубо воспитательной. Вначале дочки, потом внучки, опосля *правнучки* со пра*правнучками*, не считая племяшек—праплемяшек разных и прочей седьмой воды на киселе. И все, не поверишь, как одна, сплошь романтически настроенные кулёмы, с изначально сказочными ожиданиями в личной жизни. А так – наглядный пример правильного подхода: бабье счастье доверять мужику – последнее дело! Сама куй, а не стрелы жди: вот прынцып, коего *должна* придерживаться по-настоящему ждущая удачной Личной Судьбы девица!

– Ладнось. – Бабулечка ещё раз внимательнейшим образом оглядела Илью. – Ты вот что, *малой*. Иди до околицы, там три тропинки будет. Левая и средняя – не твои. А по правой тропке – самое-то дело именно тебе топать.

– Куда? – Только и спросил Илья.

– Там узнаешь. – Загадочно ответила бабулечка. – *Правая* тропинка, она своя каждому, и допрежь результату окончания пути загадывать – бесполезное дело. Одно сказать могу точно: судя по тому, что вижу я, на тебя гляючи, лично *тебе*, милай, мало не покажется! Иди, давай. А то счас мои тринадцать малолетних *девах* набегут, почуяв, что у стрелы в столбе *воротном* младой человек мужеского полу объявился. Так что, спасайся, пока ещё время есть!

Илья не стал боле искушать судьбу, и со всей прыти дунул вдоль по улице.

И вовремя.

У ворот, где осталась сидеть бабулечка, уже слышалось нарастающее гудение девичьих голосов.

2. На тропе. Встреча первая

Каждый идет своим путем. Но все дороги всё равно идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти. Если идешь с удовольствием, значит, это твоя дорога. Если тебе плохо – в любой момент можешь сойти с нее, как бы далеко ни зашел. И это будет правильно.

Карлос Сесар Сальвадор Аранья Кастанеда: «Активная сторона бесконечности»

Илья даже и не заметил, как убегаючи оказался именно там, где бабулечка и сказала: за околицей.

Ранее Ильюха именно в это место за селом родным как-то не забредал, хотя, казалось, излазил, как и все мальчишки Карачаровские, любой окрестный закоулочек.

Перед ним лежали три тропинки.

Илья, как бабулечка велела, свернул сразу на правую.

Солнце всюю припекало, тропинка спустилась в небольшую низину, а потом резво взбежала на пригорок.

Вот тут-то прямо перед Ильёй и встал высоченными деревьями Лес густой.

– Интересно получается. – Подумал Илья. – К примеру, тропинки. Неоткуда им взяться! А, вон, по одной иду. Леса быть не должно, а он вот он. Значит, так оно всё для меня специально сложилось.

После сей мысли, Илья сделал соответствующие выводы, на всякий случай, выломав себе дубинушку подходящую: орудье ближнего боя, веками проверенное и безотказное.

И не зря, прямо скажем, выломал.

Из Леса на опушку вышел вразвалочку Медведь.

Точнее, Медведица.

Причём, такая большая, каких, вообще-то, и не бывает.

Илья почему-то вовсе не удивился, когда Медведица заговорила с ним человеческим голосом.

– Пришёл. – В голосе Медведицы слышалась радость. – Заждалась я! Только ты какой-то шибко молоденький. Или тоже – заколдованный? Только, в отличие от меня, горемычной, на тебя наложили не суров обет бытия-жития в обличье зверином, пока принц не придёт, замуж не возьмёт, а не менее суровы заклатья: покуда меня, суженую, не встретишь, обретаться в обличье мальчишковым, не подрастая? Так вот она я! Дождались мы, выходит, часа урочного! Спадёт колдовство ужасное прямо сейчас!

С этими словами Медведица полезла к Илье целоваться.

Илья, впрочем, сумел увернуться.

– Спокойно, тётенька! – Уже стоя за ближайшей могучей сосной, увещевал Медведицу Илья. – Колдовства на мне нету, и ребёнок я самый, что ни на есть, обыкновенный. В Лес иду по делам, ищу потерянную стрелу. Вам, как я разумею, надось ещё подождать маненько: принц ваш вот-вот уже будет!

– Стрелу? – Медведица так и замерла. – Ага. Значит, жизнь моя пошла по другой тропе! Кто стрелу ищет, тот её и пуцал, а кто пуцал, тот невесту искал, а кто невесту ищет, тот, как мне гадалка вещала, моёт и с меня облик медвежий снять, сумеет поцеловать!

И опять кинулась обниматься.

– Целуй! Не пожалей! – Орала Медведица, круша на своём пути могучи деревья и вытаптывая кусты дикой малины-ягоды, коя в изобилии всегда на опушках растёт.

Илья убежал, хитро маневрируя промеж деревьев.

Однако чуял: долго не продержится.

– Да чмокни ты её уже! – Раздался тяжёлый низкий голос.

Илье показалось, что это сам Лес говорит с ним.

Но тут на опушку вышел Лесовик, собственной персоной: до колен бородачи, сама – зелена, словно это и не волос вовсе, а млада поросль, и кое-где в бороде уже видать вполне набравшие силу еловые шишки.

– Стой, не шевелись, замри, не гоношись! – Крикнул Лесной Дед Медведице.

Та и замерла.

– Спасибо вам. – Тяжеленько дыша, поблагодарил Ильюха. – Низкий поклон Хозяину Лесному, мир его Дому! Роста-процветания, счастливого произрастания!

– И тебе не хворать, паря. – Отвечал Лесовик. – Целуй, пока я её удержать могу! Сил моих нету больше: весь Лес извела своими страданиями.

– Как же так? – Илья попятился. – Вначале – целуй, потом – замуж бери? У меня, Дидо, совсем другие планы. Да и вообще: мал я ещё...

– Слушай сюда. – Лесовик оказался рядом с Ильёю, и теперь шептал ему в ухо, голосину свою уменьшив по величине и силе до шороха трав-цветов, шепотка листьев. – Поцелуешь – расколдуешь. А жениться будет тот парнишечка, коего счас брат мой, Ветроудука-Степна-Душа к Лесу гонит. Только замешкались они там малость: попался супостат на пути, Разбойня Длиннорук Оболдуевич. Счас, пока ты Марфуту, Медведицей Заколдованную, чмокать станешь, жених и подойдёт. Да ты не бойсь! Ей на расколдование время надось, да потом, опять же, в себя прийти... успеют!

– Ну, ежели так... – Илья тяжело вздохнул, и с опаской, конечно, но Медведицу чмокать пошёл, ибо знал наверняка: Лесовик обмануть не может, – на его *правде* вся Жизнь земная строится.

Медведица, что первое заметил Илья, пахла вовсе не зверем диким, а румянами девичьими, да травяным сбором для мытья кос, каким искони все Карачаровские девы пользуются.

Ну, и чмокнул.

Прям в губы медвежьи, переборов естественны внутренние страх со брезгливостью.

Медведица шевельнулась.

Илья отскочил, и, на всякий случай, спрятался за спину Лесовика.

Из пасти медвежьей излился долгий протяжный стон.

Потом Медведица начала меняться.

Странное это было зрелище.

Диковатое.

Тело её, словно ища что-то внутри и снаружи, принимало самые разные формы, пока не нашло искомое девичье обличье.

Под шкурой оказался вполне даже праздничный сарафан.

– Ах! – Вскричала преображённая дева. – Сбылись мечтания! Свершилось!

После чего незамедлительно бабахнулась в обморок.

– Я те говорил. – Наставительно заметил Лесовик. – Время ещё маненько есть.

Тем временем вдруг налетел ветер, и не просто – ветер, а целый ветрища, и ветрищей этим вынесло к опушке здорового мужчину на изможденном худом коняге.

– Здорово, братан Лесовик! – Ветер обернулся весёлого вида дедком в развевающихся просторных одежках. – Вот, пригнал тебе женишка для Марфутки, прошу принять, каков есть: наследный царевич Дундарию, ихнее Высочество, Князь Великий Емельян Ярополкович!

– Здоров и ты, братец, Ветроудуйка-Степна-Душа. – Прогудел Лесовик. – Успел к сроку! Ильюха уже *своё* дело сделал. Емелька-Царевич теперь должен далее *свою* роль исполнить.

Но тут случилось непредвиденное.

Царевич с коняги слез неторопливо, мешок седельный снял, да и, на траву пристроив, тут же прилёг, имея недвусмысленное намерение спать-почивать без просыпу, самое малое – лет сто, если, конечно, судить по решительности действий и зевкам, действия эти сопровождающим.

– Чёй-то он у тебя какой-то малоохольный. – Заметил Лесовик.

– Устал чуток. – Отвечал Ветроудуй. – Ну, да сие мелочи! Счас Марфута его разом вразумит. Смотри, вон она в себя пришла, подымается, вся исполнена великой жажды большой и светлой любви...

Марфута уже встала во весь свой рост, и шарила по опушке глазами в поисках жениха долгожданного, её чмокнувшего.

На Илью она не обратила никакого внимания, хотя на мгновение короткое глазами его выцепила с точностью.

А вот на Емельяна-Царевича среагировала зело сильно.

– Принц! – Взревела Марфута, и кинулась со всего роста на спящего. – Мой! Суженый! Поцеловавший! А-а-а-а!

Емельян от рёва и падения на него чего-то или кого-то, этот рёв издающего, тут же про сон забыл напрочь.

Вскочил, прям с Марфуткою вместе, на нём висящей, и, дико вращая глазами, замер в полной неподвижности.

– Идёмте. – Опять снизил голос до шёпотка Лесовик. – Сами разберутся.

– Твоя правда, братец. – Отвечал Ветроудуй. – В любовных объяснениях чужие уши – одна помеха.

Илью подхватили под руки, и через мгновение он уже стоял в самой гуще Леса, хотя и на всё той же, им бабулечкой пререкомендованной, тропе правой.

3. На тропе. Встреча вторая

Дело не в дороге, которую мы выбираем: то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

О. Генри: «Дороги, которые мы выбираем»

Лесовик и Ветроудй смотрели на Илью с великим любопытством.

– Узнаёшь, Братец? – Поинтересовался Ветроудй.

– А то. – Отвечал Лесовик. – Герой. Давно их к нам не заходило. И, ты глянь, не абы кабы, а *настоящий*, хотя, прямо скажем, в очень юных годах.

– Рано начавший больше успеет. – Резонно заметил Ветроудй.

– Ежели, конечно, сдуру не погибнет при первой на то okazji. – Лесовик погладил боро-дищу. – Надо бы мальчонку отблагодарить. Как-никак, помог.

– Обязательно надо. – Кивнул Ветроудй. – Мы правила знаем. Вот только чем?

Оба дедка задумались.

– На добром слове спасибо, – отвечал Илья. – А остальное – не надобно: в дороге груз лишней одна помеха.

– Это уж не тебе решать. – Ветроудй вдруг хлопнул в ладоши. – Придумал я, братец! Пусть имеет такую возможность: нас с тобою в любой момент, ежели чо, на помощь призвать!

– Дельно. – Лесовик улыбнулся в бородищу. – Так и сделаем.

И оба подойдя к Илье вплотную, заглянули парнишке прямо в очи.

Причём, одновременно.

Илью словно подхватил изнутри вихрь какой.

Он и ахнуть не успел, как уже унёсся, вихрем этим влекомый, в неизвестные вышние дали, где чьи-то могучие руки окунули летуна невольного в золотой дождь, который, кстати, шёл не сверху вниз, как положено, а снизу вверх, самым небывалым образом.

Каждая капелька золотого дождя прошла сквозь Ильюху, и каждая же оставила в нём чуть-чуть золотого своего свечения.

– Иди с Миром, паря! – Услышал Илья голос Лесовика. – Мы ещё встретимся.

– Да и не раз. – Добавил Ветроудй. – Ох, и славная жизнь намечается! Ох и славная!

Илью опять подхватило силой неведомой, и в себя он пришёл уже, стоя один-одинёшенек среди Леса.

Первым делом Илья вспомнил про стрелу свою любимую, не понять куда улетевшую.

Про остальное мыслей не было.

Такова уж оказалась с юных лет особенность Ильюхина: принимать, аки должное, всё, что с ним случилось-приключилось, и идти дальше.

Но не тут-то было.

На тропу из Леса вышел дёргающейся и подпрыгивающей походкой странного вида человека.

Голый, ежели не считать прикрывающей нижнюю часть тела хитросплетённой из тонких веток ивовых юбки, но, при этом, в железном шлемаке с прорезями для глаз, каковы таскают на головах иноземные вояки.

– Не скажешь ли ты мне, о, юноша, – слабым голосом просипел вышедший, – где это я сейчас оказался?

– От Мурома-града недалече, от села Карачарова близь. – Отвечал Илья, но дубины своей так из рук и не выпустил, даже наоборот: показал дубину собеседнику, ненавязчиво переложивши из длани в длань.

– Майн гот. – С чувством произнёс голый. – А на каком языке мы сейчас говорим? Только не сочти меня умалишённым! Я слишком давно плутаю неизвестно где, и совершенно утратил то, что принято называть «связью с *настоящим* Миром».

Илья вздохнул.

– Я, окромя родного наречия Руничей, никаких других языков не ведаю.

– Плохо. – Отвечал Илье странный человек. – Юноша должен много знать. Чем, прости, заняты твои наставники и воспитатели? Хотя бы Науке Войны они тебя обучают? Хотя, если судить по твоей боевой стойке и тому, *как* ты держишь своё оружие, с воинским делом ты знаком не понаслышке.

Илья вздохнул ещё тяжелее.

– А вы кто будете?

– Понятия не имею. – Ильюхин собеседник оправил юбку. – Но страдания мои велики чрезвычайно!

И, бормоча извинения, повернулся к Лесу передом, а к Илье задом.

Ниже поясницы у незнакомца торчала чёрная стрела.

– Не моя! – Почему-то обрадовавшись, подумал Илья.

– И кто ж вас так? – Спросил он, подпустив в голос сочувствия.

– Его Величество Царь Лебедей, Добрый Волшебник Цигнус. – Грустно рёк Илье раненный, поворачиваясь обратно лицом. – Причём, как я сейчас понимаю, за дело. Видишь ли, я был большой любитель охоты. Каждый день проводил я, разя стрелами всё то, что считал в охоте этой своею законною добычей. И вот однажды я случайно – повторяю: случайно! – попал стрелою в дочь Царя Лебедей Цигнуса, прекрасную Белу Деву-Лебедь Цигнушу, за что и был наказан вечной стрелой в одном месте плюс потерей памяти обо всём, кроме ужасной этой истории с Царевниным ранением. Впрочем, – в голосе несчастного появилась некая светлая нота, – было предсказание: я излечусь, если кто-либо из встреченных мною доблестных рыцарей сумеет доказать, что он... он...

– И это не помнишь? – Осведомился Илья.

Стрелопронзённый задумался.

– Увы, да.

– Ладнось. – Решительно подвёл итог Илья. – Тогда, давай попробуем вернуть память твою хотя бы о том, *как* тебе от проклятия и стрелы избавиться можно. – И, помолчав в раздумье, с ещё большей решительностью добавил. – Для начала надось мне стрелу определить: может, в ней всё дело.

– Стыдно. – Стал отнекиваться новый Ильюхин знакомец. – Столь неприличное место расположения стрелы...

– Зад, что ли? – Несколько даже удивился Илья. – Место, как место. Ничем не хуже всех прочих телесных мест.

И, довольно бесцеремонно развернул стрелоносца стрелой к себе.

– Агась. – Илья прищурился. – А стрела-то черешковая! Вон, сразу видно, наконечник крепится к древку, как листок к ветке, и сам с листком таким схож по виду. Значит, Царь ентот твой Лебединый не просто стрелу тебе в зад вонзил, а с намёком: как лист растёт, так и стрела расти станет, ибо ты теперь стреле этой навроде источника жизни, аки древо листу своему каждому.

– Донерветер. – Вскричал новый Ильюхин знакомец. – Так и есть: я ощущаю стрелу частью себя! А что ещё, дорогой мой друг, говорит вам эта стрела в моём афедроне? Что ещё?..

– Счас поглядим. – И Илья пошевелил пальцем стреловое оперение.

– Стрела эта, – продолжал Илья, – не простая. Сделана она по подобию одной стрелы хитрой, с древности почитаемой во славном городе Риме. Такой стрелой давным-давно один Святой ихний убит был, Севастьяном звали. Там, в Риме-городе, под самим городом пещеры подземны и ходов меж ними не счесть: оттуда камень строительный брали, когда строились. И живут, понимаешь, в тех подземных нескончаемых ходах да залах крысы, от которых городу Риму спасения не было, пока стрелу вот такую же, опосля Севастьянова ею убиения, в подземных залах не схоронили. С той поры ушли крысы. Отвадила стрела Севастьянова крыс поганых на Рим-город с-под низу болезни жутки насылат: чуму злыдню с падлюкой холерою.

– Но причём здесь я? – Изумился страдалец в юбке. – Не соблаговолите ли объяснить?

– А чё тут объяснять? – Илья пожал плечами. – Крысам казалось, что стрела в каждую из них точнёхонько метит. Вот и сбежали, поскольку угрозу снести не смогли. А ты Царю Лебяжьему и его подданным надоел охотами своими гораздо хуже любой чумы с холерой. Вот они тебя и решили – *навсегда отвадить*.

– О, как глубоко, как точно подмечает сей молодой человек все оттенки загадочной сути стрелы в моём седалище!

Поразился Ильюхин собеседник.

– И, благодаря тебе, удивительный юноша, *я вспомнил!* В предсказании сказано было именно *о разгадке смысла и стрелы* этой, и назначения её, и, пардон, почему именно в данное место вонзилась она! Молю тебя: продолжи мудрые речи свои, дабы избавить меня и от стрелы, и от мук, ею причиняемых!

– Стрела калёная, – Илья словно не заметил речей его, – древком составная из нескольких продольных частей. Брали для них породы древесины разной, соединяли промеж собой клеем рыбьим.

– Наверняка, и в этом тоже скрыто нечто наиважнейшее по смыслу! – Пробормотал пронзённый с тылу.

– А чего тут скрывать? – Илья хмыкнул. – Яснее ясного намекает тебе Царь Цигнус: всё в этом Мире соединено прочно, всё склеено накрепко, всё движется к единой цели, летит стрелой, но – ежели вдруг чего кто нарушит, то и стрела движения сразу же вонзится ему сзади, дабы отвадить...

– Я понял! – Юбочник радостно захлопал в ладоши. – Ну конечно же, всё именно так! Именно так!

Вдруг голос его резко изменился.

Теперь в нём слышалось небывалое удивление.

– Стрела... она выходит из меня! Она вот-вот покинет зад мой! Боги, какая боль! Но это – *это* боль облегчения!

А потом он упал на траву, и затих.

Илья не стал трогать страдальца: главное, что стрела валялась на траве рядом с познавшим облегчение бывшим пронзённым, а не торчала больше там, где до этого.

Илья успел уже отойти довольно далеко, как вдруг небо над деревьями Лесными раздвинулось, и оттуда высунулась всё та же голова в ведроподобном шлеме.

– Я был подхвачен неведомыми силами, дабы, по всей видимости, быть доставленным в родные земли. – Прогудело ведро. – Но я силою воли остановил полёт! Не могу же я улететь, так и не поблагодарив своего избави...

Договорить он не успел.

Облака сомкнулись, что-то там, в небе, грохотнуло, но это был уже не тот грохот, что от шлема ведёрного, а, явно, грохот сфер вышних.

– Опять же, вопрос, – сказал сам себе Илья, разглядывая опустевшие небеса. – Откуда я всё то, что говорил про стрелы, знаю?

Но до ответа Ильюхе была ещё и дорога далека, и годы немалы: ведь Боги – они всегда проверяют *выбранных* очень долго и со всей тщательностью, потому как Богам торопиться абсолютно некуда.

4. На тропе. Встреча третья

Можно наблюдать людскую глупость, можно смеяться над ней или чувствовать к ней сострадание, но не надо мешать людям идти своей дорогой.

Герман Гессе: «Кнульп»

Тропа едва сама за собою поспевала то вдруг два раза повернуть влево, то, зачем-то, петлю выпендрить, чтобы потом, вправо рванув, затеять с Ильюхой игрушки-проверялки, так и норовя спрятаться в траве.

Дескать, найдёшь – дальше пойдёшь, а ежели смекалки не хватит *найти*, то, значит, не будет тебе дальше Пути!

На кой ты ляд там, *дальше*, нужен, если с головою не дружен?

Илья же на такие мелочи внимания не обращал вовсе.

Ну, балуется тропинка, и ладно.

А Илье не до баловства нынче: он ведь не просто так, от нечего делать, по Лесу шастает, он серьёзным делом занят, – стрелу ищет.

Илья зорко вокруг доглядал, ничего не пропускал: ни листочка, ни кусточка, ни травиночки, ни стрекозы-егозы, ни мышки-норушки, ни птички и ни зверюшки.

А потом вдруг резко замер.

Насторожила Илью наставшая вдруг *полная тишина*.

В тишине этой отчётливо накапливалась угроза.

– Сзади. – Определил Илья, и шагнул в сторону.

Там, где его в это мгновение уже не было, в землю с неприятным чмокающим звуком вонзилась огромная, почти Илье до макушки, стрела.

Илья посмотрел на стрелу, потрогал перья – каждое длиннее с его руку, и совершенно спокойно отошёл к деревьям.

Чем, собственно, вновь опередил стрелка: следующая стрела с ним опять разминулась, в землю воткнулась.

– Хватит уже. – Крикнул Илья в чашу. – Всё равно, не попадешь ведь. Чо зазря стрелы тратить? Выходи, поговорим.

В чаще что-то тяжело завозилось, деревья шатаючи, и на поляну вышел громадного роста мужичина – макушкой под верхушечку сосенки самой в высоту длинной.

Белокур волосом, кучеряв зело, и в простыню белу обёрнут.

– Во как, – изумился Илья. – И кто ж ты будешь, великан неведомый?

– Купидон. – Пророкотал гигант. – Не ведаю, с языка какого, но – твёрдо знаю: на ваш имя моё переводится как «*Вызывающий чувство*».

– Понятно. – Илья только головой покачал. – А стреляешь в меня зачем?

– Работа моя такая. – Гигант собрал стрелы, какая куда воткнулась, и сложил в заплечный колчан.

– А как ты сам полагаешь, дядя, – опять поинтересовался Илья, – *какое именно чувство* именно ты можешь вызвать именно у меня? Только пойми правильно: обижаться – последнее дело. Я просто спросил, ты просто ответь.

– Знаю. – Грустно отвечал Купидон. – Из-за этого все мои беды-горести, несчастья- зло- счастья и есть в жизни моей непутёвой! Ведь из меня такой же Бог Любви, как из огромного камня – легкокрылая птичка. – Гигант уселся на землю и зарыдал. – Но *нас* не спрашивают. Мы, Боги, имеем предписанную Судьбу. Рождён быть Зажигателем Любви в Сердцах? – изволь этим заниматься. И всё. И никаких. А я – среди своих собратьев Божьих по Любовному цеху, просто глупая несуразица, помноженная на бессмысленную нелепицу!

– погоди, дядя. – Илья смотрел на нового знакомого с явным удивлением. – Вот тут я недопонял. А разве ж вас, Богов Любви, – много? В смысле, ты что, *не один* такой?

– Один? – Великан даже рыдать перестал. – Шутишь, да? Да будь я на такой рабо- тище *один*, людишки в Мире давно повымерли бы от полного моего неуспевания зажигать во всех сердцах, любви жаждущих, Еённый огонь! Нет, парнишечка: нас, Богов Любви, друж- ная команда. И все, заметь, на одно лицо, ибо, скажу честно, по сути дела – мы все вместе один Бог и есть, только обращённый во множественно число для упрощения управления Делами Любовными.

И тут же снова зарыдал.

– Кроме меня! Я – *не получился*... как все... один... урод! Отщепенец! Харя...

Илья какое-то время смотрел на гиганта в слезах, потом, осторожно взяв одну из стрел, вытащил её из колчана.

– А стрелы вот эти? – Спросил Ильюха. – Ты прям с ими родился или потом выдали, когда службу несть приставлен был?

– А кто ж его знает? – Купидон утёр слёзки кулачищами и глубоко задумался.

Лицо Купидоново собралось в морщины столь глубоки, что в каждой из них легко могло бы спрятаться, например, от вылетевшей на охоту Совы целое семейство полевых мышей и отсидеться там, в схроне потаённом, до той поры, когда более опасности жизненной больше не будет.

Было видно, что *раньше* задумываться Купидону не приходилось ни разу.

– Одно помню точно: когда я, первый раз глаза открыв, Мир узрел, то сразу ощутил себя Стрелком Великой Любви, но в это же мгновение услышал тихий ехидный смешок за спиной своей.

– У нас Любовью ведает Богиня Лада. – Сказал Илья. – При ней ближайшие помощницы: Леля, Жива и Марена. Но тут, ты понимаешь, такое дело...

Илья почесал затылок.

– Есть одна хитрость. Помощницы эти одновременно как бы ещё и Три Лица разные Лады-Богини одновременно.

– И чо? – Не понял Купидонище. – Я до фи́га и Трёхликих, и Четырёхликих лично видал. Но приходилось лицезреть иной раз и тех, кто имеет Ликов куда больше! Вон, к примеру, Морок, Повелитель Обмана и болезней. Первые три его Мордени – Бог Лжи, раз, Царь Мира Обмана, два, Наследный Прынц Страны Заблуждений, три, Великий Владыка Пути Запутыва- ния – четыре, и Патриарх Единой Веры Невежества и Заблуждений – пять. А ведь он может ещё беспрепятственно и в любую секунду принять облик своей мамани Мары, своего папаши

Чернобога, плюс братца единоутробного – Мороза Колотун-Продромыча. Эти братаны вообще то и дело заради пущей обманчивости дел своих и от злорадства врождённого друг в друга превращаются, и – что особо отметить надось! – соревнуются, понимаешь, кто похитрее выберет, в кого перекинуться.

– Погоди. – Перебил Илья. – Тут другое. Слыхал я от людей знающих, много чего понимающих, что иногда, хотя и не часто, Лада и все её Три Спутницы-Ипостаси могут вдруг учудить немислимую путаницу, взяв в качестве игрушки-побрякушки чью-то конкретну жизнь.

– Это чью же? – Спросил неповоротливый разумом Купидон.

– Да хоть, к примеру, и твою. – Илья вернул стрелу обратно в колчан Купидонов. – Так что, мой тебе совет: спроси Ладу-Богиню напрямки про дела свои скорбные, судьбу странную и чего на самом деле, тебе, бедолаге, ожидать в дальнейшей жизни.

Купидон с Ильёю спорить не стал; Илье вообще пришёлся по душе этот простой и прямолинейный парнишище.

– Мати Лада, к Тебе взываю! – Взревел вдруг Купидон, воздев руки у небесам светлым, да так взревел, что Ильюха аж вздрогнул невольнo. – Через Любовь свою Божественную пролила Ты, Лада-Матушка, и в меня, служку твоёва, жизни бытие! Аз есмь творенье Твоё для сотворенья Любви в Мире этом! Так снизойди, молю, ко мне, ибо, как вижу я, чтой-то не так со мною! Работу свою исполнять желая, ни в чём не прекословя Воли Твоей, породить Любви не могу в людях, хотя – для того Тобою сотворён был, и послан в Мир. Дай, молю, мне обрести, чего не могу! Позволь делати дело своё, и боле мне ничегошеньки не надо! О том счас и молю, пред Тобою, Всеславной! О том и ответа жду, Всемиловитица! О том, Мати Лада, к Тебе и взываю!

Деревья, казалось, присели аж от рыка Купидонова.

Даже Небеса стали ниже: такова силища в гласе его и в молитве его заключена оказалась, такова мощь.

Тут-то к нему Лада и вышла.

Все знают: Лада никогда дважды в одном облике не появляется.

Не любит она этого.

К Купидону с Ильюхой Богиня Любви вышла в личине молодой, необычайно красивой женщины с зеленоватыми волосами и в одеждах из листьев.

– Славься, Великая! – Взревел Купидон ещё громогласнее, но тут же был Ладюю остановлен.

– Тише, пожалуйста. – Поморщилась Богиня. – Шумный ты, однако. Поэтому – вот тебе моё повеление: побудь неподвижным и молчаливым, Купидошка, совсем немножко, покуда с Ильёй у меня разговор о тебе пойдёт.

Купидон мгновенно смолк и замер.

– А ты, Ильюшенька, не смотри на меня с укоризной. – Улыбнулась Лада. – Знаю, что сама виновата в нём, в Купидоне моём, но – так уж получилось. Дни у меня *плохие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.